

Ю. Н. БОЙКО

МЕРИДИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПРИДНЕПРОВСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Культурный облик населения Среднего Приднепровья скифского времени определялся в результате длительного взаимодействия разных этнокультурных традиций. Интенсивность становления надэтнических элементов культуры зависела во многом от плотности и характера информационных связей. Наиболее мощными каналами распространения информации являлись миграционные потоки — от спорадических брачных связей до массовых переселений. В скифскую эпоху внутрорегиональные миграции определяются с трудом из-за общности основных элементов материальной культуры. В подобном случае возрастает дифференцирующее значение элементов духовной культуры, тесно связанных с этническим самосознанием, которые могут быть выявлены по археологическим источникам. В частности, это архетипические представления о структуре мироздания [1, с. 45, 64, 200], достаточно консервативные, систематически воспроизводимые в обряде, композиции сакрального пространства, ориентировке могилы и погребенных. Последний признак универсален и в качестве факторного [2, табл. 1, а] позволяет выявить наличие у обитателей Приднепровья ряда архетипических моделей, важные закономерности в пространственно-временном распределении погребений их носителей [3]. В качестве примера обратимся к погребениям с меридиональной ориентировкой в Приднепровской Лесостепи скифского времени, материалы которых неоднократно рассматривались в разных контекстах, но ни разу как единое целое. В обеих частях Приднепровья нами учтено 157 комплексов с ориентировкой погребальных камер или покойников по линии север-юг, что составляет около 40% всех погребений Среднего Приднепровья, ориентировка которых известна. 111 комплексов представлены в табл. 1 и 2*.

I. Первый хронологический период (конец VIII — первая половина VI вв. до н. э.).

Мужские погребения в ямах (28 комплексов). Большинство из них открыто на Левобережье, в Посулье (17) и на Ворскле (4). Наиболее ранние могут быть отнесены ко 2-му этапу 1-го периода: Аксютинцы (Стайкин Верх), 4, 467, 469, Волковцы (1886), 9, 11, 12, Поповка, 8, Лихачевка, 8 (1983), 1, Скоробор (1906), 10 (табл. 1, 2-4, 7, 9, 19-22) [6, с. 29, 33, 47-48, 59; 7, р. 72-73; 8, с. 323; 9, с. 143]. Этапом 1/3 датируются погребения Аксютинцы (Стайкин Верх), 5, 7, (1866) 3, 4, Басовка, 481, Волковцы (1886), 7, Лука, 1, Плавнищи, 485, Поповка, 7, 9, Таранов Яр, 16 (табл. 1, 23, 24, 26-29, 32-34, 42) [6, с. 29-30, 36, 39, 47, 57, 59; 10, с. 117]. На Правобережье из семи комплексов этапом 1/2 датируются Турия, 486 и Константиновка, 2/впускное (табл. 2, 2, 5), тогда как остальные

*Таблицы составлены по источникам, указанным в приставленном списке литературы. Разделение 1-го периода на этапы соответствует хронологии раннескифской культуры (РСК) предложенной Г. Коссаком, с уточнениями И. Н. Медведской.

или же недостаточно документированы, или уверенно относятся к завершающему этапу раннескифского периода — Куриловка, 68/2, Бобрица, 40 (табл. 2, 17, 18), Жаботин, 3/1, Капитановка, 482, Балыко-Щучинка, 1 [11, с. 27-28, 51; 12, с. 15-16, 33-34; 13, с. 238, 250, 310, 320].

Погребения совершены под курганными насыпями в ямах с деревянным перекрытием. Преобладают основные захоронения, но на юге Правобережья отмечены и впускные в курганы эпохи бронзы. На Средней Ворскле параллельные ровики для лаг пола отмечаются на этапе 1/2 (Лихачевка (1983), 1, Скоробор (1906), 10). В Посулье и на Нижней Ворскле обычны ямы с ровиками по периметру. На левом берегу Днепра использование огня в погребальном обряде зафиксировано в четырех комплексах Посулья — Лука, 1 и Поповка, 7, 8, 9. В трех последних пол камеры был окрашен известью. На Правобережье огненный ритуал более характерен для локальных групп [2, рис.1], расположенных вдоль Днепра. Ориентировка погребенных известна в 17 случаях: в одном (Плавнищи, 485) головой на север, в остальных — на юг.

В структуре погребального инвентаря близки показатели встречаемости ножей, костей животных, наконечников копий. Для Левобережья более характерны лук и стрелы, конская сбруя, а для Правобережья — лепная посуда, мечи и кинжалы. Только на Левобережье отмечены боевые ножи, наверхие, защитный доспех. Здесь 90% погребений содержали предметы вооружения, причем три четверти погребенных были всадниками. На Правобережье все воинские захоронения рассматриваемой группы, в том числе одно всадническое (Бобрица, 40), датируются этапом 1/3 и сосредоточены на северо-востоке региона.

Женские погребения в ямах (27 комплексов). На левом берегу Днепра известно 18 погребений этой группы, а их пространственное распределение выглядит следующим образом: Посулье — 5, Средняя Ворскла — 4, Нижняя Ворскла — 9. Наиболее ранним, конец 1-го — начало 2-го этапов 1-го периода, является погребение в кургане Осняги, 1 (табл. 1, 11) [9, с. 128]. Ко 2-му этапу можно отнести Таранов Яр, 2/2, 6, 25, 34/1, 37, Волковцы (1886), 2, Аксютинцы (1886), 2, Поповка, 5, 6, Перещепино, 5, Саранчево Поле, 11 (табл. 1, 5, 6, 12, 15, 16, 18) [10, с. 151, 152, 163, 166, 167; 6, с. 36, 45, 58-59; 14, с. 9-10; 9, с. 133]. Третьим этапом раннескифского периода датируются комплексы Поповка, 15, Лихачевка, 1, Таранов Яр, 19, Пожарная Балка, 2, раскоп VII, п. 2 на этом же селище (табл. 1, 38, 44, 49) [6, с. 60; 7, р. 62-63; 10, с. 160; 15, с. 224; 16, с. 247].

На Правобережье 7 из 9 комплексов сосредоточены на севере региона, а хронология погребений в рамках периода может быть определена следующим образом: 2-й этап — Медвин-1 (1974), 4, Ерчики (1885), 2/1, Гудяй-Город, 40 (табл. 2.1, 8) [17, с. 49-51; 13, с. 180-181, 258-259; 11, с. 15], 3-й этап — Медвин-1 (1982), 9 и (1984), 22, Ивановка, 2/5, Лазурцы, 418/3, Турия, 490 [13, с. 200-201, 206-209, 276-277, 280-283; 12, с. 35; 11, с. 51-52]. Преобладают основные захоронения, но известны и впускные в курганы предскифского (Ивановка, 2/5) и раннескифского (Таранов Яр, 2/2, 34/1) времени. На селище Пожарная Балка погребение было грунтовым. На Правобережье (Медвин-1 (1974), 4) отмечена яма с дромосом с южной стороны, в Посулье — с ровиком по периметру, в курганах Саранчево Поле, 11 и Турия, 490 — ямы с поперечными канавками для лаг пола, в кургане Гуляй-Город, 40 — круглая яма.

Преобладает вытянутое положение покойников на спине, хотя на этапе 1/2 встречается и скорченное на правом боку. Известны одиночные, парные и коллективные захоронения в ямах с женским инвентарем. На Левобережье отмечена только южная ориентировка погребенных, а на Правобережье одинаково часто встречается южная и северная. Обе, как правило, сочетаются в коллективных погребениях. На Правобе-

режье несколько чаще фиксируются следы огненного ритуала, в том числе и частичная кремация (Ивановка, 2/5). На Ворскле место погребения в кургане Осняги, 1 очищали костром из соломы злаковых. В комплексах Левобережья чаще встречается сера, красная краска, но только в Посулье известь (Поповка, 5, 6, 15).

Почти во всех могилах сохранилась лепная посуда, бусы. Количество погребений с конской сбруей возрастает по мере продвижения с Правобережья через Среднюю Ворсклу в Посулье. На Правобережье и на Ворскле отмечены булавки и пряслица; на Правобережье и в Посулье — ножи, перстни, браслеты, каменные блюда и плиты, зеркала; только на Правобережье, хотя и редко, — кости животных, серьги; только на Ворскле — изделия из серебра и золота; только в Посулье — бронзовое навершие и амфора. Единственный наконечник стрелы, обнаруженный в кургане Таранов Яр, 37, на наш взгляд, был скорее амулетом, чем оружием.

Разнополые погребения в ямах (5 комплексов). Представлены в Посулье (2), на Нижней Ворскле (1) и на севере Правобережья (2). Их хронологическое соотношение в рамках периода можно представить примерно так: 2-й этап — Аксютинцы (Стайкин Верх), 12 (табл. 1, 9); 3-й этап — Аксютинцы (Стайкин Верх), 6 (табл. 1, 37), Балыко-Щучинка, 2, Медвин-III (1973), 3, Пожарная Балка, 1 [6, с. 29 — 31; 13, с. 162 — 163, 260 — 261; 17, с. 64-65; 15, с. 224]. Все погребения основные, содержали захоронения мужчин и от одной до трех женщин (Медвин-III (1973), 3). Почти во всех найдены лепные сосуды и булавки; только на Правобережье — серьги, защитное вооружение, а на Левобережье — пряслица, браслеты, перстень. Обязательным элементом погребального инвентаря были лук и стрелы, но копьа отмечены лишь в погребениях всадников (Аксютинцы (Стайкин Верх), 12 и Балыко-Щучинка, 2).

Мужские погребения в деревянных склепах (18 комплексов). Равномерно распределены по обоим берегам Днепра. На Левобережье сосредоточены в бассейне Сулы (7) и Ворсклы (2). В Посулье представлены захоронениями 2-го — Старшая Могила (табл. 1, 1) и Аксютинцы (Стайкин Верх), 14 (табл. 1, 8), 3-го — Аксютинцы (Стайкин Верх), 15, Поповка, 3 (табл. 1, 30, 31), конца 3-го — Басовка, 482 (табл. 1, 35) этапов 1-го периода [6, с. 24 — 27, 31, 39, 57 — 58]. Погребение у х. Шумейко, с учетом неоднородности вещевого материала, датируется в пределах конца 1-го — начала 2-го периодов скифской эпохи (табл. 1, 50) [6, с. 43 — 45, 71 — 72; 18, с. 27; 19, с. 48-49; 5, с. 93].

Концом раннескифского периода следует датировать и погребения в курганах Таранов Яр, 5 и Скоробор (1972), 10 (табл. 1, 47), сочетающие в своем инвентаре архаическую лепную посуду и античные амфоры [10, с. 152; 20, с. 111]. Комплекс кургана Плавницы, 2 может быть отнесен к раннескифскому времени без уточнения [6, с. 57].

На Правобережье Днепра к числу наиболее ранних принято относить погребение в кургане Теклино (Орловец), 346 (табл. 2, 4) [11, с. 63; 5, с. 89; 18, с. 23]. По нашему мнению, этот комплекс вряд ли целесообразно выводить за рамки 2-го этапа 1-го периода. В пользу этого свидетельствуют особенности погребального обряда и некоторые вещи из погребения — широтная ориентировка камеры при северной ориентировке покойника, шатровидное перекрытие, серебряная булавка и золотая витая гривна [6, с. 41]. Другой случай северной ориентировки погребенного отмечен также в погребении 2-го этапа — Турия, 509 (табл. 2, 6) [6, с. 53], но в близком по времени кургане Осигняжка, 11 был похоронен подросток головой на юг [6, с. 36]. В остальных правобережных комплексах ориентировка погребенных не известна.

На Левобережье во всех установленных случаях покойники лежали головой на юг. Тип погребальной камеры известен не всегда, но можно заметить, что если на Правобережье встречаются склепы со столбами и дромосами, то на Левобережье, судя по

описаниям, преобладали «срубы» со столбами по углам. В некоторых из них, например, в кургане Старшая Могила, где на плане Д. Я. Самоквасова вдоль южной стенки показана материковая ступенька (табл. 1, 1), могли быть входы, не замеченные авторами раскопок. На обоих берегах Днепра одинаково часто устраивали канавки вдоль стен могильных камер, использовали огонь в погребальной обрядности. Красная краска и известь отмечены лишь в Посулье (х. Шумейко). В инвентаре захоронений одинаково часто встречается местная лепная посуда, конская сбруя, мечи, лук и стрелы; одинаково редко — булавки, изделия из драгоценных металлов. Только на Правобережье отмечена гривна, а в левобережных комплексах — амфоры, навершия, культовые ножи, топорик-скипетр, ритуальная посуда, защитный доспех. Для Левобережья более характерны наконечники копий и кости животных от паутственной пищи (коровы, овцы, лошади, свиньи). Кости свиньи обнаружены в погребении кургана Старшая Могила, крупнейшем и наиболее представительном захоронении воина-аристократа к северу от Черного моря на 2-м этапе раннескифского периода.

Женские погребения в деревянных склепах (8 комплексов). Как и погребения мужчин, равномерно распределяются по обоим берегам Днепра, а в хронологическом отношении могут быть расположены так: 2-й этап 1-го периода — Студенец, 58, Макеевка, 454 (табл. 2, 3, 10) [12, с. 58; 11, с. 32]; переходная группа между 2-м и 3-м этапами — Рыжановка, 5, Репяховатая Могила, п. 1 и, возможно, Таранов Яр, 3 (табл. 2, 5, 15; 1, 40) [11, с. 38-39; 21, с. 33-39; 10, с. 152]; 3-й этап — Поповка, 4, Таранов Яр, 33/4, Скоробор (1965), 8 (табл. 1, 36, 43, 46) [6, с. 58; 10, с. 165; 20, с. 109].

Все погребения основные. На Правобережье встречаются склепы с дромосами, усвоенными с южной стороны камеры (Студенец, 58 и Репяховатая Могила, п. 1), двойной сруб (Макеевка, 454). На Левобережье по периметру дна камер были выкопаны традиционные канавки. Только здесь отмечены охра и белая краска. На обоих берегах Днепра одинаково редко использовали огонь в погребальном обряде.

Обычными находками в погребениях являются лепная посуда, простые украшения в виде бус и булавок, реже встречаются ножи и кости животных. Только на Правобережье отмечены браслеты, перстень, зеркало, амфора; лишь в Посулье — каменное блюдо и навершия. Своеобразие рассматриваемой группы комплексов заключается в наличии погребений с оружием: всадница с колчаном (Поповка, 4), всадница с колчаном и копьем в сопровождении слуги-подростка (Репяховатая Могила, п. 1), девочка с копьем и стрелами (Макеевка, 454), женщина, вооруженная луком, копьем и кинжалом (Рыжановка, 5), женщина с боевым ножом (Скоробор (1965), 8). Во всех известных случаях погребенные лежали головой на юг, что также отличает их от женских захоронений в ямах.

Разнополые погребения в деревянных склепах (9 комплексов). Пять из них расположены на юге правобережной части Приднепровья. На Левобережье два погребения известны в Посулье и по одному на Средней и Нижней Ворскле. Наиболее ранние отмечаются на левом берегу Днепра, тогда как на Правобережье они распространяются позднее: к концу 1-го или началу 2-го этапа 1-го периода исследователи относят комплекс кургана у с. Глинск возле Бельского городища (табл. 1, 13) [22, с. 23 — 25; 5, с. 69]; ко 2-му этапу — Герасимовка, 1, Аксютинцы (Солодка), 2, Макеевка, 460 (табл. 1, 10, 25; 2, 7) [6, с. 32 — 33, 53; 11, с. 33]; к концу 2-го — началу 3-го этапов — Журовка, 407 (табл. 2, 14) [11, с. 24 — 25; 5, с. 92]; к 3-му этапу — Таранов Яр, 15, Репяховатая Могила, п. 2, Гуляй-Город, 38, Журовка, 447 (табл. 1, 48; 2, 19, 20) [10, с. 159; 21, с. 39 — 54; 11, с. 14 — 15, 26; 5, с. 92; 18, с. 25].

Почти все погребения основные. На Правобережье встречаются склепы с дромосами с южной стороны, на левом берегу Днепра — «срубы». Треть погребений

сопровождалась огненным ритуалом, помещением в могилу серы и красной краски. Преобладает южная ориентировка основных погребенных, лишь в кургане Гуляй-Город, 38 покойник лежал головой на север (табл. 2, 20).

Обязательными элементами погребального инвентаря были лепная посуда, хозяйственные ножи, кости животных, в том числе свиньи (Аксютинцы (Солодка), 2, Герасимовка, 1), бусы, зеркала, каменные блюда, конская сбруя. Несколько реже встречаются булавки, серьги, браслеты, изделия из золота и серебра, наконечники стрел, кинжал, защитные доспехи.

II. Второй хронологический период (вторая половина VI — первая половина V вв. до н. э.).

Мужские погребения в ямах (11 комплексов). Становится заметной тенденция к сужению ареала их распространения: Посулье — 5, Средняя Ворскла — 3, юго-запад Правобережья — 3. Ко второй половине VI в. до н. э. можно отнести погребения в курганах Волковцы (1886), 8 и Поповка, 4 (табл. 1, 58), концом VI в. датируются комплексы Водковцы (1886), 1 и Опишлянка (табл. 1, 57, 67), рубежом VI-V вв. — Витова Могила (табл. 1, 68), перв. четв. V в. — Кулешовка, 425 (табл. 1, 62), н. V в. — Басовка, 497 (табл. 1, 64) и Турия, 467, вторая четверть V в. — Турия, 459 (табл. 2, 23), первая половина V в. до н. э. — Журовка, 413 (табл. 2, 22) [6, с. 39, 44 — 45, 47, 54, 58; 7, р. 67 — 71, 76 — 80; 13, с. 242 — 243, 246 — 247, 314 — 315, 318-319; 19, с. 47 — 50, рис. 2; 24, с. 92 — 93]. В рамках периода без уточнения времени находится комплекс Полковая Никитовка (1975), 2/9 [23, с. 13 — 14].

Все погребения совершены в простых грунтовых ямах. В двух случаях на Левобережье они впущены в курганы эпохи бронзы (Кулешовка, 425 и Полк. Никитовка (1975), 2/9), причем в обоих покойники лежали головой на север. В кургане у с. Кулешовка обнаружены останки двух человек, но инвентарь не указывает на присутствие женщины (табл. 1, 55). Следы огня отмечены в курганах Витова Могила и Опишлянка, где останки кремированного были помещены в урну-корчагу. В кургане Волковцы (1886), 1 найдена сера.

Обычными предметами погребального инвентаря можно считать детали конской уздечки, стрелковые принадлежности (колчан и горит с золотыми украшениями в Витовой Могиле и Опишлянке). Наконечники копий и дротиков сохранились в каждом четвертом комплексе, части защитного доспеха отмечены в курганах Кулешовка, 425 и Журовка, 413, меч в погребении у с. Кулешовка, а боевой нож дополнял вооружение всадника, погребенного в кургане Волковцы (1886), 1. Кости животных в Опишлянке принадлежали овце, а в Витовой Могиле — лошади и свинье.

Женские погребения в ямах (9 комплексов). В отличие от погребений мужчин большинство женских захоронений в ямах исследовано на Правобережье Днепра — Пирогово, 25, 82, Стеблев, 2, Яблонька, 188 (табл. 2, 24), Турия, 460, 466 [13, с. 178 — 179, 202 — 203, 228 — 229, 240 — 243], тогда как на Левобережье заметна тенденция к их сокращению — Басовка, 498, Волковцы (Линниченко), 4/3, Васильевка, 4 (табл. 60, 70) [6, с. 39, 52; 25, с. 72 — 74].

Два погребения впускные (Яблонька, 188 и Волковцы, 4/3), два грунтовые (Пирогово, 25, 82). Преобладают простые ямы, но на Правобережье отмечены яма со столбами (Турия, 466) и яма с шатровидным перекрытием (Стеблев, 2). В последнем случае камера была ориентирована в широтном направлении, а женщина в сопровождении подростка лежала головой на юг. В четырех правобережных комплексах покойницы были ориентированы головой на север.

В инвентаре погребений часто встречается местная лепная посуда, редко — конская сбруя, античная керамика. Только на Правобережье отмечены бусы, серьги, браслеты, перстни, наконечники стрел, пращевые ядра, кости животных, а в Посулье — булавки, зеркало, амфора.

Разнополюе погребения среднескифского времени в ямах с меридиональной ориентировкой пока не обнаружены.

Мужские погребения в деревянных склепах (9 комплексов). Их пространственное распределение напоминает отмеченное выше для мужских погребений в ямах: Посулье — 4, Средняя Ворскла — 2, юг Правобережья — 3. Второй половиной VI в. до н. э. датируются комплексы Басовка, 483 и Плавнищи, 4 (табл. 1, 55), рубежом VI — V вв. — погребения в курганах Жаботин, 523, Журовка, 396, 408, первой половиной V в. — Броварки, 52 и Волковцы (1897), 2 (табл. 1, 59, 61), второй четвертью V в. — Аксютинцы (Стайкин Верх), 2 и Перещепино (табл. 1, 66, 71) [6, с. 27, 39, 49, 57; 26, с. 234 — 236; 14, с. 3-4; 13, с. 236 — 237; 244 — 245, 310 — 311, 316 — 317; 19, с. 47-51].

Все погребения основные. Северная ориентировка отмечена в склепе с дромосом кургана Журовка, 396. Склепы со столбами открыты в погребальных комплексах Журовка, 408 и Перещепино, 1. На Левобережье, вероятно, преобладали «срубы» со столбами по углам. Самым большим и сложным по внутреннему устройству был двойной клеп в кургане Аксютинцы (Стайкин Верх), 2 (табл. 1, 66). На его плане с южной стороны показана ступенька — признак входа, возможно, с дромосом.

Большинство мужчин, погребенных в склепах, при жизни были конными воинами, вооруженными луком, копьями и дротиками, реже мечами и защитным доспехом, составной частью которого стал щит с металлическими пластинами. В половине погребений найдены амфоры, в трети — импортная столовая посуда. Около 60% комплексов содержали местную лепную керамику, треть — кости животных от жертвенной пищи. В склепе кургана Аксютинцы (Стайкин Верх), 2 сохранился бронзовый котел.

Женские погребения в деревянных склепах (5 комплексов). Их пространственное размещение напоминает распределение погребений мужчин: Посулье — 2, Средняя Ворскла — 1, юго-запад Правобережья — 2. Второй половиной VI в. до н. э. датируется комплекс кургана Скоробор (1965), 1 (табл. 1, 69), остальные, Волковцы (Динниченко), 4/4, Басовка, 5 (табл. 1, 52, 56), Турия, 469, Журовка, 403. — относятся к первой половине V в. до н. э. [20, с. 103, 6, с. 40, 52 — 53; 13, с. 242 — 245, 314 — 317; 24, с. 92 — 93; 19, с. 47 — 51].

Большинство захоронений основные, за исключением Волковцы, 4/4, где парное женское погребение было впущено в курган среднескифского времени. Известны склепы с вертикальной облицовкой стен (Скоробор (1965), 1), со столбами (Басовка, 6 и Турия, 469), со столбами и дромосом (Журовка, 403). В гробнице кургана Скоробор (1965), 1 сохранились куски серы и реальгар. Ориентировка погребенных южная.

Почти в каждом погребении найдены лепные миски, примерно в половине — хозяйственные ножи и кости животных, столовая античная посуда, только на Правобережье — деревянная культовая чаша, наконечник стрелы (Турия, 469), пращевые ядра (Журовка, 403). В инвентаре погребенной в кургане могильника Скоробор сохранилась костяная шпилька от прялки, выполненная в зверином стиле, как и псалли более раннего времени, лепная курльница. В обоих посульских комплексах представлены ожерелья и зеркала, а в неотревоженном грабителями погребении 4 кургана 4 у с. Волковцы — украшения из золота, серьги, булавки, наручные и ножные браслеты, детали конской уздечки.

Разнополюе погребения в деревянных склепах (3 комплекса). Все датируются первой половиной V в. до н. э. Два из них расположены в Посулье — Аксютинцы (Стайкин Верх), 16 и Волковцы, 494 (табл. 1, 54, 65), один на юге Правобережья — Макеевка, 3/1 [6, с. 31, 51; 13, с. 218 — 219, 294 — 295; 19, с. 47 — 51].

Погребения основные, совершены в небольших срубах. Покойники располагались головой на юг. Мужчины были воинами-всадниками, набор женского инвентаря бли-

зок описанному выше для женских захоронений в склепах. Заметно отсутствие античной посуды. В кургане Аксютинцы (Стайкин Верх), 16 отмечены кости барана и свиньи.

III. Третий хронологический период (вторая половина V — начало III вв. до н. э.).

Мужские погребения в ямах (9 комплексов). Пространственное распределение отличается от предыдущего периода: Средняя Ворскла — 5, северо-восток Правобережья — 3, юго-запад этой части Приднепровья — 1. Наблюдается одновременное исчезновение мужских погребений в ямах в Посулье и резкое сокращение их количества на юге Правобережной Лесостепи.

На Ворскле все комплексы сосредоточены в могильниках вокруг Бельского городища — Осняги (1906), 4, Скоробор (1965), 9, Перещепино, 2, 3/2, 4 (табл. 1, 78 — 82) — и датируются рубежом V-IV — н. IV вв. до н. э. [9, с. 129 — 130; 20, с. 109 — 111; 14, с. 4 — 9]. Преобладают основные погребения, за исключением впускной могилы в кургане 3 Перещепинского могильника. В двух случаях (Осняги (1906), 4 и Перещепино, 3/2) камеры были ориентированы в широтном направлении, но погребенные лежали головой на север. В кургане Осняги (1906), 4 умерший был положен скорченно на правом боку, а подготовка места захоронения сопровождалась сожжением соломы. В комплексе Перещепино, 3/2 кости животного от жертвенной пищи были посыпаны охрой, а дно могилы мелом. Большинство погребенных в окрестностях Бельского городища были молодыми людьми в возрасте от 20 до 35-40 лет, причем на одном из черепов сохранился след смертельного ранения [20, с. 109; 27, с. 152].

Датировка правобережных погребений менее определена, однако укладывается в рамки периода. Из четырех комплексов один впускной с частичной кремацией (Яснозорье, 2/1), одно погребение грунтовое (Грищенцы, 4) (табл. 2, 27), два основных под курганными насыпями (Ивановка, 3 и Пастырское, 440) [13, с. 200 — 201, 208 — 209, 222 — 223, 276 — 277, 284 — 285, 298 — 299; 28, с. 148; 24, с. 94]. Ориентировка погребенных установлена в двух случаях (Грищенцы, 4 и Пастырское, 440), оказалась северной, как на Ворскле.

На обоих берегах Днепра обязательным было помещение в могилу лепной посуды, хозяйственного ножа, мясной вырезки. Одинаково редко, кроме Поворскля, встречается античная керамика, защитный доспех. Только на Ворскле открыты погребения воинов-всадников с колчанами, копьями и мечами. В двух случаях рукояти мечей были плакированы золотом (табл. 1, 78, 80).

Женские погребения в ямах (4 комплекса). Известны только на Правобережье Днепра; Бобрица, 96 (табл. 2, 26), Гуляй-Город, 308/2, где была похоронена девочка головой на север, Холодный Яр, 26/западное — погребение женщины в круглой яме головой на север. Пастырское, 442 — на горизонте головой на север [13, с. 186 — 187, 222 — 223, 236 — 237, 264 — 265, 298 — 299, 308 — 309; 29, с. 76-77]. Датируются комплексы в рамках IV — начала III вв. до н. э. [24, с. 94 — 95]. Почти во всех найдены 6-7 наконечников стрел или пращевые ядра. Погребальный инвентарь скромный: бусы, простые украшения, зеркало. Холодный Яр, 26/зап., где найдены также 5 пряслиц, нож, кости животных, лепная посуда.

На Правобережье обнаружено и единственное парное разнополое погребение в яме — Капитановка, 489 (табл. 2, 25), датируемое концом V — началом IV вв. до н. э. [13, с. 252 — 253, 322 — 323]. К мужскому инвентарю можно отнести меч и копьё, а к женскому кольцо и бусы. Оба скелета лежали вытянуто на спине годовой на юг.

Мужские погребения в деревянных склепах (4 комплекса). Известны только в Посулье — Аксютинцы (1883-1885), 2, Волковцы (1897), 1, Лозовая, Лубны (табл. 1, 72, 75, 76) [6, с. 34 — 35, 48 — 49, 54 — 55].

Особым богатством и пышностью отличаются погребения всадников-аристократов в старинных могильниках Верхнего Посулья, не имеющие равных далеко за пределами Приднепровской Лесостепи. Комплекс Волковцы (1897), 1 сохранился неразрушенным. Высота насыпи достигала 13,5 м, в ней встречались угли и зубы коня. Дно могилы было обведено канавкой и обмазано глиной, стены облицованы толстыми дубовыми стволами, поставленными вертикально. Над накатом — слой речного ила, на нем следы кострища. Покойник лежал головой на юг. На нем была золотая гривна, рядом золотая лента от рукоятки какого-то предмета, железный клевец, кожаный колчан с 250 наконечниками стрел, украшенный золотыми бляшками, серебряный культовый сосуд, 11 наконечников копий и дротиков, боевой топор, четыре бронзовых наконечника с фигурками оленей и колокольчиками, бронзовый греческий шлем, бронзовый нагрудник и боевой пояс, панцирь из костяных пластин, золотые бляшки от одежды, шесть уздечных наборов, в том числе с золотыми украшениями, бронзовый котел и чаша, античная и местная лепная посуда. В близком по составу инвентаря комплексе кургана Аксютинцы (1883-1885), 2 найдены также пращевые ядра и меч с обложенной золотом рукояткой. Оба погребения датируются третьей — серединой последней четверти V в. до н. э. [19, с. 51, рис. 2].

В курганах Южного Посулья были похоронены воины, вооруженные луком, копьями, имевшие защитный доспех, но без конской сбруи. В кургане у с. Лозовая обнаружены кости овцы и свиньи.

В отличие от предыдущих хронологических периодов, почти все комплексы впускные.

Женские погребения в деревянных склепах (2 комплекса). Оба исследованы на Левобережье Днепра: в Посулье, Будки (1897) — впускное в деревянном склепе с вертикальной облицовкой и следами сожжения, на Мерле в Среднем Поворсклье, Полковая Никитовка, Б, 20 — основное в склепе с вертикальной облицовкой и меловой подсыпкой [6, с. 32; 30, с. 4 — 7]. В женском погребении на Суле сохранилась конская сбруя. Амазонка с берегов Мерлы имела колчан с 45 наконечниками стрел, копье и дротик. Всаднице из Посулья принадлежал культовый серебряный сосуд, при воительнице из Поворсклья найден бронзовый котелок и железный черпак оригинальной формы, кости коровы. В остальном инвентарь погребений одинаков по своему составу: золотые бляшки от одежды, ожерелья, зеркала (четыре в кургане у с. Будки), амфорная и столовая античная посуда. Датируются комплексы концом V — началом IV вв. до н. э.

Разнополюе погребения в деревянных склепах (5 комплексов). Известны только в Посулье — Хитцы, Басовка, А, Аксютинцы (Стайкин Верх), 3/основное и впускное, Аксютинцы (1905), 5/северное впускное — и совершены в склепах с горизонтальной облицовкой стен и столбами по углам камеры [6, с. 28 — 29, 38 — 39, 40, 62]. Преобладает южная ориентировка погребенных, но в кургане у с. Хитцы (табл. 1, 77) покойник лежал головой на север. Два комплекса сохранились неограбленными.

Аксютинцы (Стайкин Верх), 3/впускное (табл. 1, 73). Деревянная гробница находилась в насыпи на уровне древнего горизонта. Оба покойника лежали головой на юг. На мужчине был панцирь, рядом два наконечника копий, меч, боевой топор, колчан со 100 наконечниками стрел, нож, уздечный набор. У головы женщины обнаружена большая гвоздевидная булавка, золотая серьга и бляшки, на груди — золотое ожерелье, две массивные бронзовые булавки. Руки украшали браслеты из золотых бусин, ноги — массивные бронзовые браслеты. В ногах погребенной лежало зеркало, ожерелье, кусочки белил, серы, красной краски. В могиле стояла амфора и лежала часть лошадиной туши с железным ножом.

Аксютинцы (1905), 5/северное (табл. 1, 74). Впускная гробница имела вид склепа с горизонтальной облицовкой и столбами по углам и середине сторон. Оба скелета, мужской и женский, были ориентированы на юг. На черепе мужчины была золотая лента-диадема, рядом — две золотые гривны. Одежда была украшена золотыми бляшками, пояс — золотыми пластинами с изображением сидящего «скифа» с ритонном и топориком-скипетром в руках. С правой стороны лежала золотая лента от ручки нагайки (?). Возле женского черепа найдены золотые височные кольца, золотые ленты от головного убора, ожерелье, серебряное кольцо и золотой браслет, рядом бронзовые булавки и зеркало. В могиле обнаружены 16 бронзовых колокольчиков, железные очажные щипцы, нож, кости барана и свиньи, бронзовый котелок, амфора, несколько чернолаковых сосудов. На фоне столь богатого и престижного инвентаря заметно отсутствие оружия и конской сбруи.

Остальные комплексы хотя и пострадали от грабителей, но мало чем отличались от описанных. Все они могут быть отнесены ко второй половине V — началу IV вв. до н. э. [19, с. 51 — 52, рис. 2].

Таким образом, отдельные погребения с меридиональной ориентировкой известны на Средней Ворскле уже в конце 1-го этапа раннескифского периода, но их массовое распространение в Приднепровье относится уже ко 2-му этапу этого периода. На Левобережье большинство архаических комплексов представлена одиночными захоронениями мужчин и женщин в ямах под курганными насыпями. Изначально выделяются погребения знати в деревянных склепах, сосредоточенные преимущественно в Посулье и на юго-западе Правобережья.

На 3-м этапе 1-го периода количество погребений на Левобережье начало сокращаться, но достигло максимума в лесостепном Правобережье. С этого времени более заметны некоторые особенности в реализации архетипа на территориях к западу от Днепра. Кроме популярных в местной среде дромосов, прежде всего это сравнительно частое расположение покойников головой на север при доминировании южной ориентировки в обеих частях Приднепровья. Считать эту традицию исключительно местной, уходящей корнями в предскифский период, вряд ли целесообразно. В позднеролюссских и раннежаботинских погребениях между Днестром и Южным Бугом северная ориентировка отмечена лишь дважды — Гуляй-Город, 52 и Тютюки, 2 [11, с. 16; 31].

С началом среднескифского периода становится заметной тенденция к обратному движению части носителей архетипа с правого на левый берег Днепра. Наибольшей активностью, как и прежде, отличалась воинская знать, принесшая на Ворсклу и в Посулье усвоенный на Правобережье обычай кремации покойников, широтную ориентировку могил в сочетании с северной ориентировкой погребенных, вертикальную облицовку стен деревянных гробниц, более выраженный культ меча и т. п. Процесс сопровождался распространением впускных погребений. К концу скифской эпохи в Лесостепи богатейшие погребения аристократии — носителей рассматриваемого архетипа — снова концентрируются в Посулье и на Средней Ворскле, как это было в начале эпохи. Постепенное сокращение численности коснулось лишь рядовых погребений с южной ориентировкой. Количество погребений с ориентировкой на север оставалось неизменным (7-8), независимо от размеров выборки по каждому из хронологических периодов. Никакого увеличения численности севере ориентированных комплексов в Приднепровье к концу скифской эпохи не было и объяснять их наличие только соседством милоградской культуры [32, с. 179], по-видимому, нельзя.

На наш взгляд, диаметрально противоположные ориентировки погребенных, стремление расположить покойника тем или иным образом в его последнем пристанище

связаны с особенностями представлений о направлении и способе движения души умершего из нашего в загробный мир.

Наиболее последовательно противопоставление семантической окраски севера и юга, а не запада и востока, как в большинстве других традиций, выражено в двух родственных индоарийских религиозно-культурных системах — «ведийской» и «авестийской». Почитатели Вед (север и восток) наделяли позитивными качествами; на юге располагали царство Ямы и Питрилоку — страну душ предков [33, с. 27], что отразилось в обрядности. Например, больного и умирающего полагалось класть головой к югу; также располагали умершего на погребальных носилках, но на погребальном костре вдове отводилось место в головах и к северу от тела мужа [34, с. 196, 197, 200, 294]. Это возможно при условии, что перед кульминацией похоронного обряда, кремацией или ингумацией, что также нередко встречалось у древних ариев, тело разворачивали ногами на юг, а головой на север, чтобы душа могла идти в нужном направлении «по пути Арьямана» [35, с. 74 — 75], дорогой предков в царство Ямы. Могилу следовало копать на участке, наклоненном к югу; на юг отпускали поминальную жертву после насыпания холма над останками погребенного [34, с. 213, 283 — 284].

В собственно иранской традиции благая сторона — это юг, а север — сторона злоеющая и опасная. Там, согласно Авесте, находится гора Арезура, где собираются девы, в ней — ворота ада, открывающиеся с запада, отсюда прилетает в мир живых демон смерти Насу. Хорошими направлениями считаются юг и восток, где расположена обитель богов, рай для душ праведников и центр мироздания [35, с. 76, 158 — 159, 175, 189 — 190]. Универсальный принцип дуализма, присущий мировоззрению создателей и носителей авестийской традиции, позволяет считать, что царство иранского Йимы мыслилось далеко на севере, куда лежал путь умерших. Отголоски таких представлений сохранились в древнейших пластах иранской мифологии, сасанидских надписях и раннесредневековых зороастрийских текстах [36, с. 83, 145 — 146]. Воспроизведением данной традиции можно считать ориентировку погребенного головой на юг, ногами к северу, в сторону моста Чинват, ведущего в страну душ предков.

Живучесть традиционного противопоставления отмеченных дихотомий в культовой практике наследников двух основных групп индоариев поразительна: даже в наше время приверженцы одного вероучения, зороастрийцы и персы, в Иране возносят молитву лицом на юг, а в Индии — лицом на север [37, с. 53, 70].

Немногочисленная, но стабильная группа населения Приднепровья, хоронившая своих умерших головой на север, может быть, с известной осторожностью, причислена к кругу индоарийских этносов — носителей «ведийской» традиции в широком ее понимании [38, с. 173 сл.]. Упомянутые выше случаи сожжения соломы злаковых на месте погребения находят полную аналогию в погребальном гимне Атхарваеды:

*Эту жертвенную солому приношу я для отцов,
Живой, я расстилаю высушую для богов.
Подымись на нее, о человек, предназначенный для жертвы!
Да узнают отцы, что ты ушел!* [33, с. 254].

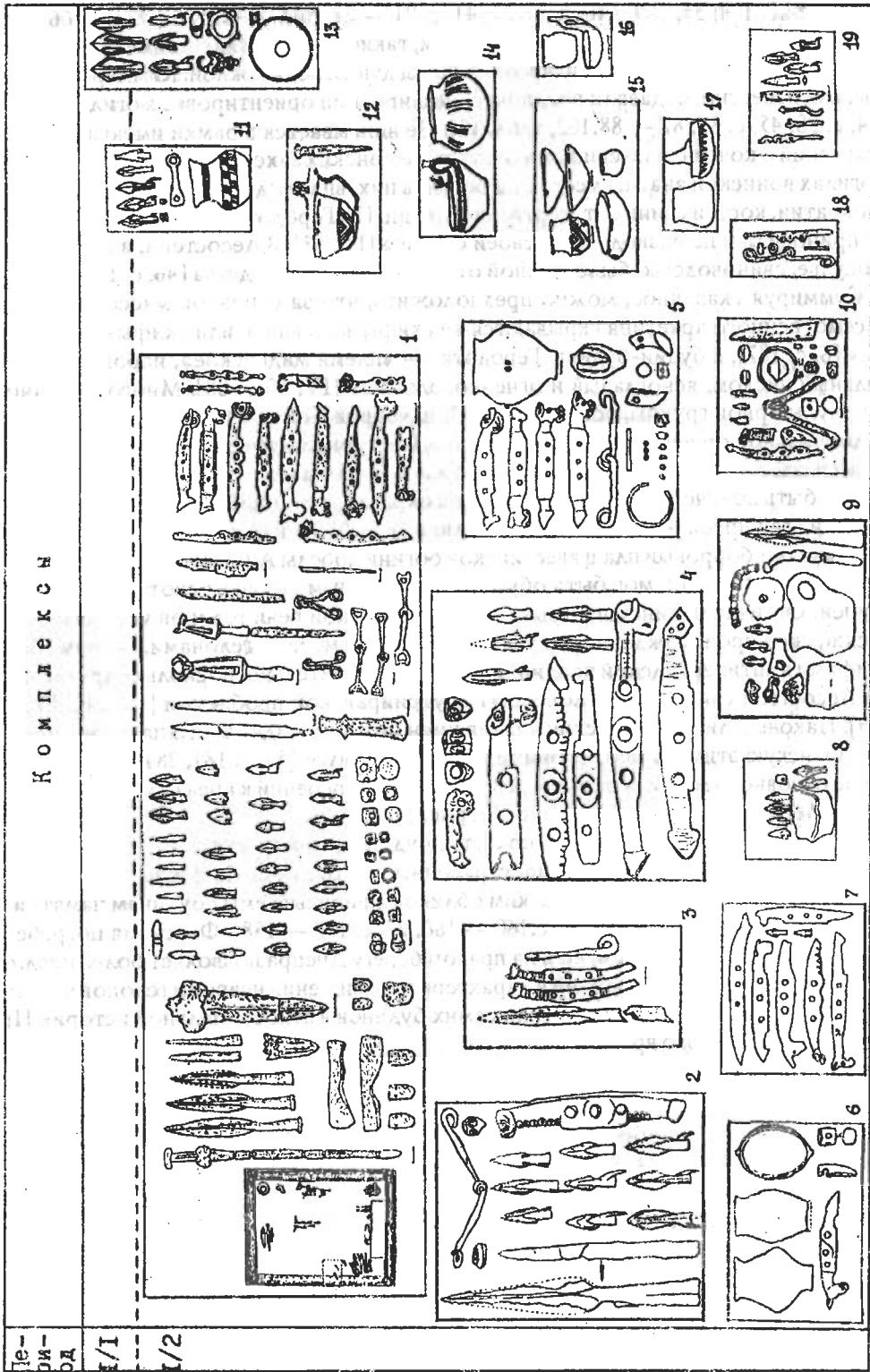
Более представительная группа населения с яркой воинской и всаднической культурой раннескифского облика, хоронившая покойников головой на юг, демонстрирует знакомство с «авестийскими» традициями иранцев. Путь ее продвижения в Среднее Приднепровье может быть обозначен местами находок характерных пластинчатых роговых псалиев, оформленных в зверином стиле: от мидийской крепости 750–650 гг. до н. э. Нуш-и Джан-тепе с одним из древнейших маздаистских храмов, через Манна, Урарту, Центральный Кавказ, Предкавказье, в Посулье и на юг Правобере-

жья [5, рис. 1; 4; 39, с. 90; 40, с. 71-72; 41, с. 21 — 22, рис. 2; 42, табл. 86, 14. 66, 67; 43, с. 46 — 53, 60 — 61]. За редким исключением, такие поалии найдены именно в погребениях с меридиональной ориентировкой при ведущей роли южной. Киммерийцы и скифы, как известно, отдавали предпочтение широтной ориентировке могил и умерших [44, с. 98; 45, с. 81, 87 — 88, 102, табл. 15]. Не вписывается в рамки имеющихся представлений о кочевниках-скифах и отсутствие конских захоронений в рассмотренных могилах воинской знати, вместе с наличием в них, вплоть до погребений высшей аристократии, костей свиньи от жертвенной пищи. По Геродоту, скифы свиней в жертву не приносили и не разводили «в своей стране» [IV, 63]. В Лесостепи, в том числе и в Посулье, свиноводство было важной отраслью животноводства [46, с. 129, рис. 1].

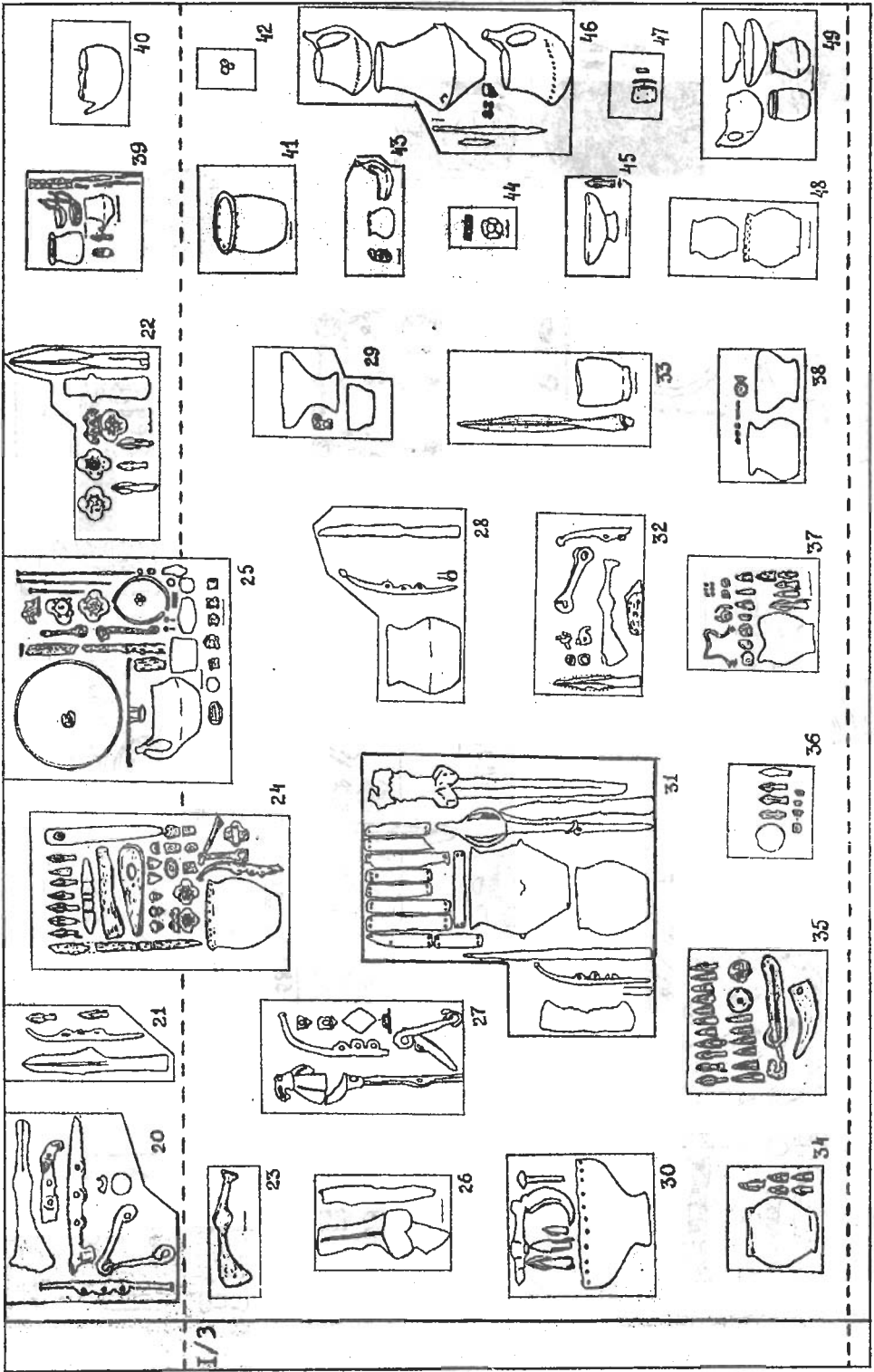
Суммируя сказанное, можно предположить, что за основной массой носителей рассмотренного архетипа скрываются не екифы-кочевники или скифы-«земледельцы» [6, с. 187], а будии-будины Геродота — «племя мидийское», народ «великий и сильный числом, ясноглазый и огненноволосый» [IV, 101, 108]. Многочисленность этнокультурной группы, оставившей в Приднепровской Лесостепи погребения с меридиональной ориентировкой, особенно в I-м хронологическом периоде, сомнений не вызывает. Огненный цвет волос не обязательно был дан природой всем будинам, но мог быть получен путем искусственной окраски, как синий у «разрисованных» гелонов и агафирсов [47, 48; 49]. Шубы будинов с бобровой оторочкой [Herod., IV, 109] напоминают бобровый плащ авестийской богини победы Анахиты [50, с. 129]. Лесной «номадизм» будинов мог быть обусловлен сезонным выпасом скота, в том числе и свиней. Отличие будинского языка от полускифской речи гелонов указывает на их нескифское происхождение, но участие будинов вместе с гелонами, савроматами и скифами в антиперсидской коалиции весьма примечательно, поскольку другие народы Лесостепи считали этот конфликт внутрииранской проблемой [Herod., IV, 108, 119]. Наконец, лингвистический анализ имен божеств мидийского пантеона установил иранскую этимологию этнонима $\beta\omicron\upsilon\delta\iota\omicron\iota$ - $\beta\omicron\upsilon\delta\iota\upsilon\omicron\iota$ [51, с. 181, 281 — 282], а тяготение основного массива рассмотренных выше погребений к ареалу иранских гидронимов Лесостепи вряд ли случайно [52, рис. 1].

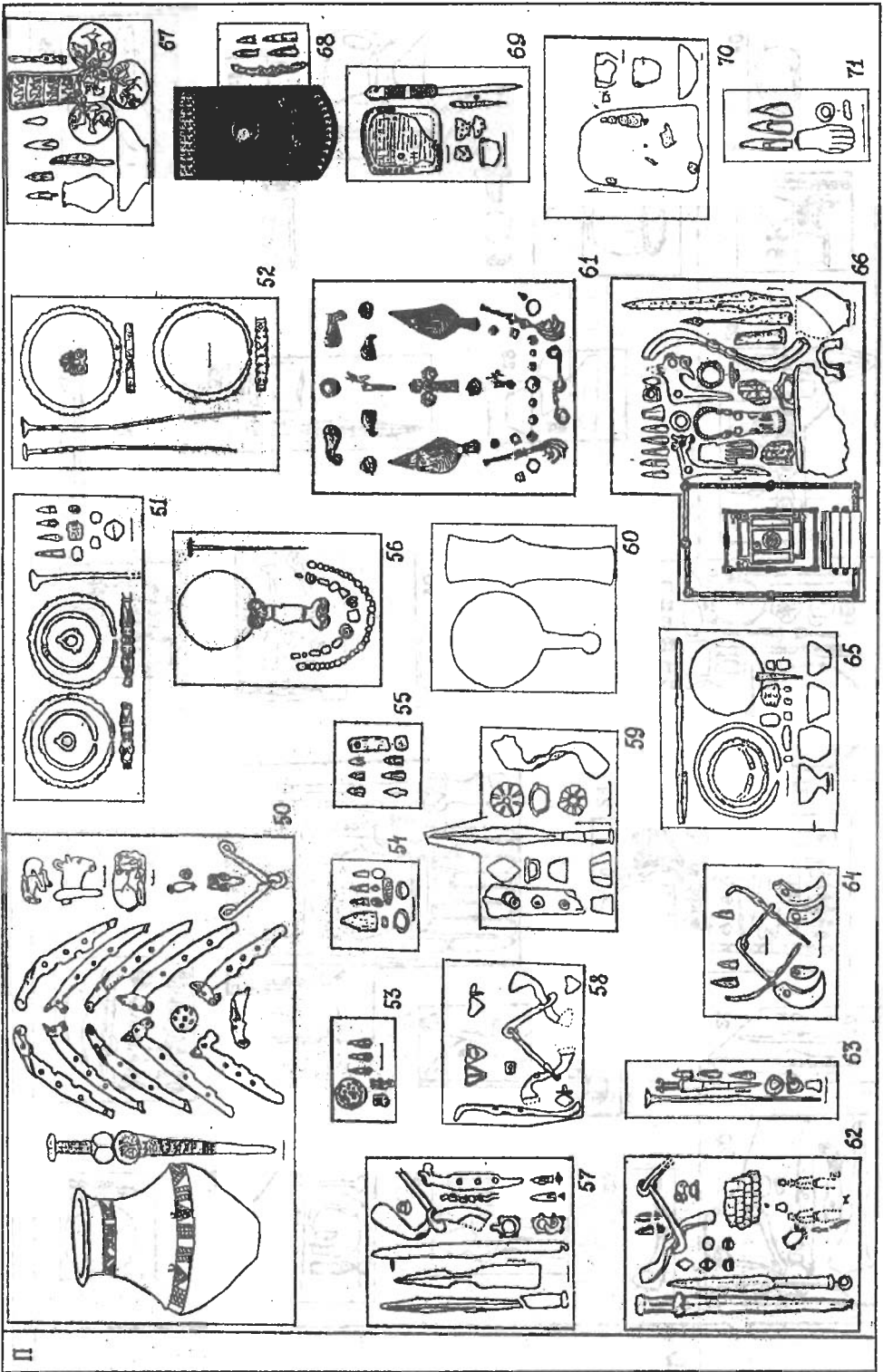
Приняв тезис об изначальном иранстве будинов, можно снять внутреннее противоречие в попытках увязать распространенные гипотезы об их финно-угорском или баалтском происхождении с иранским обликом приписываемых будинам памятников Лесостепи [53, с. 354 — 355; 54, с. 160 — 166, 27, с. 157 — 158]. Фиксация погребений будинов не только на левом, но и на правом берегу Днепра позволяет более предметно подойти к вопросу о времени и характере продвижения неуров и гелонов в «землю будинов» [Herod., IV, 105, 108], роли самих будинов в этносоциальной истории Приднепровья скифского времени.

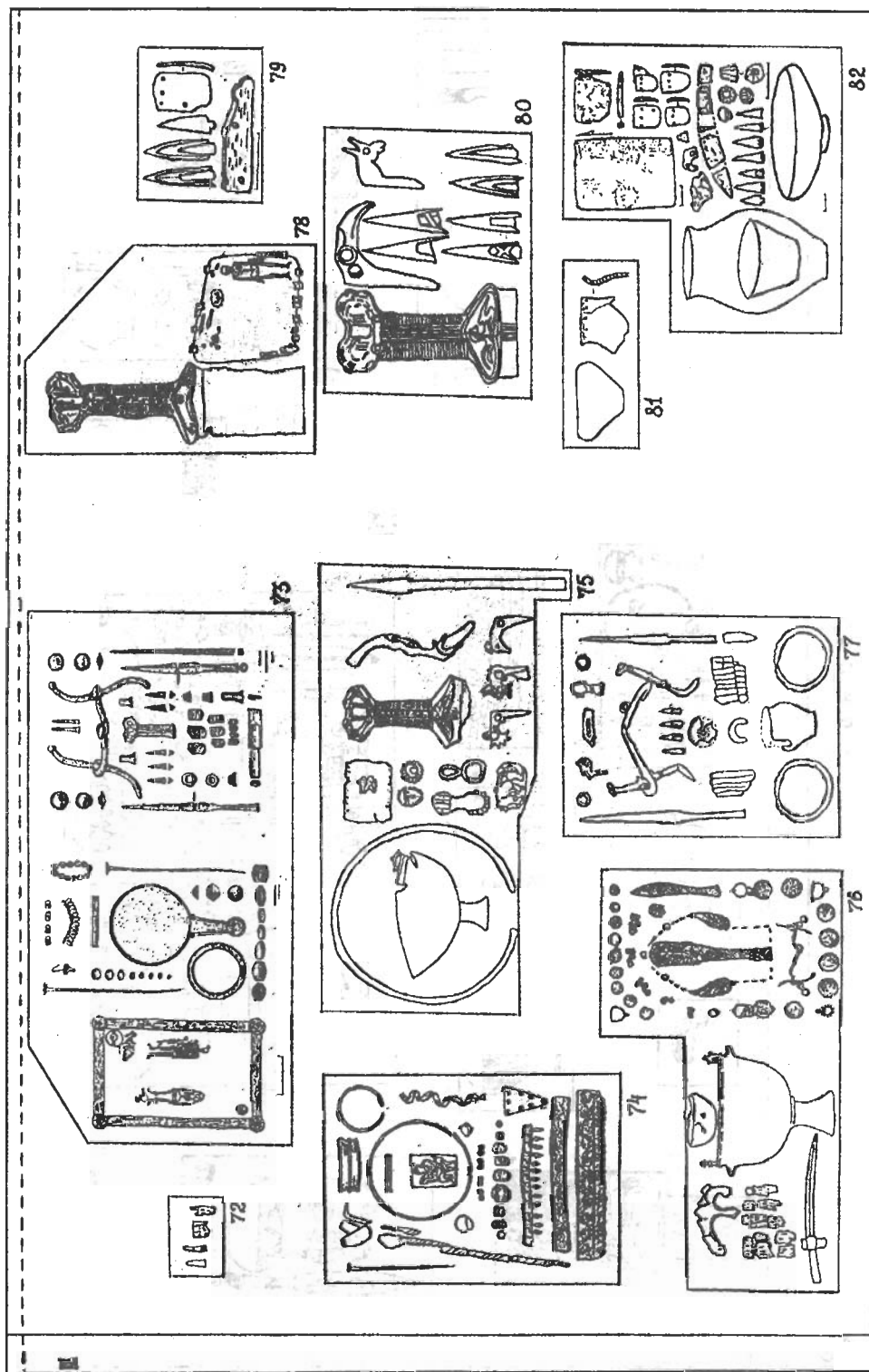
Комплекси

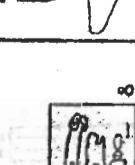
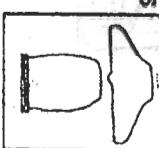
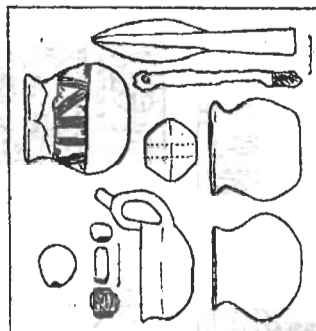
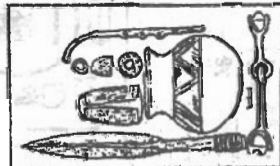

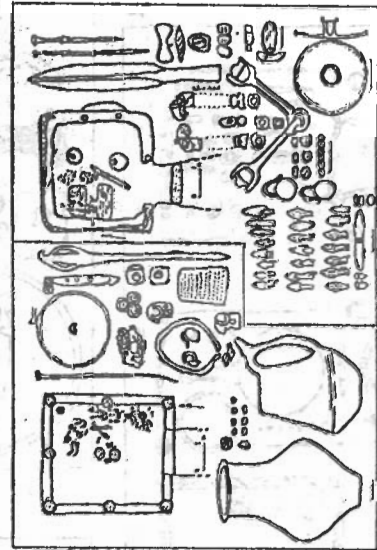
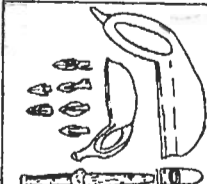

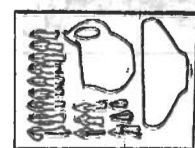
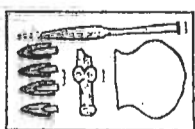
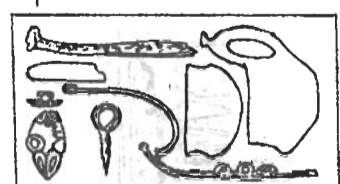
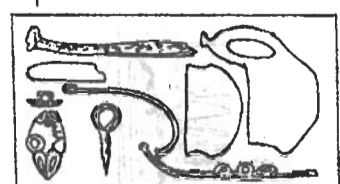
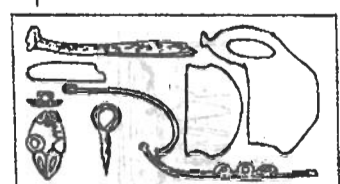
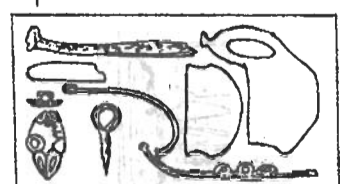
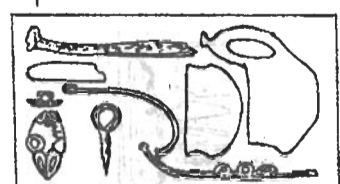
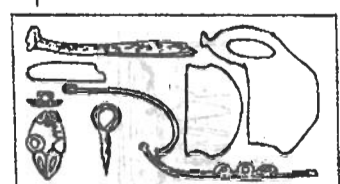
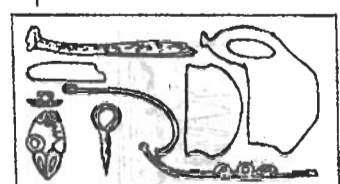

Ке-
ли-
да
1/1
1/2

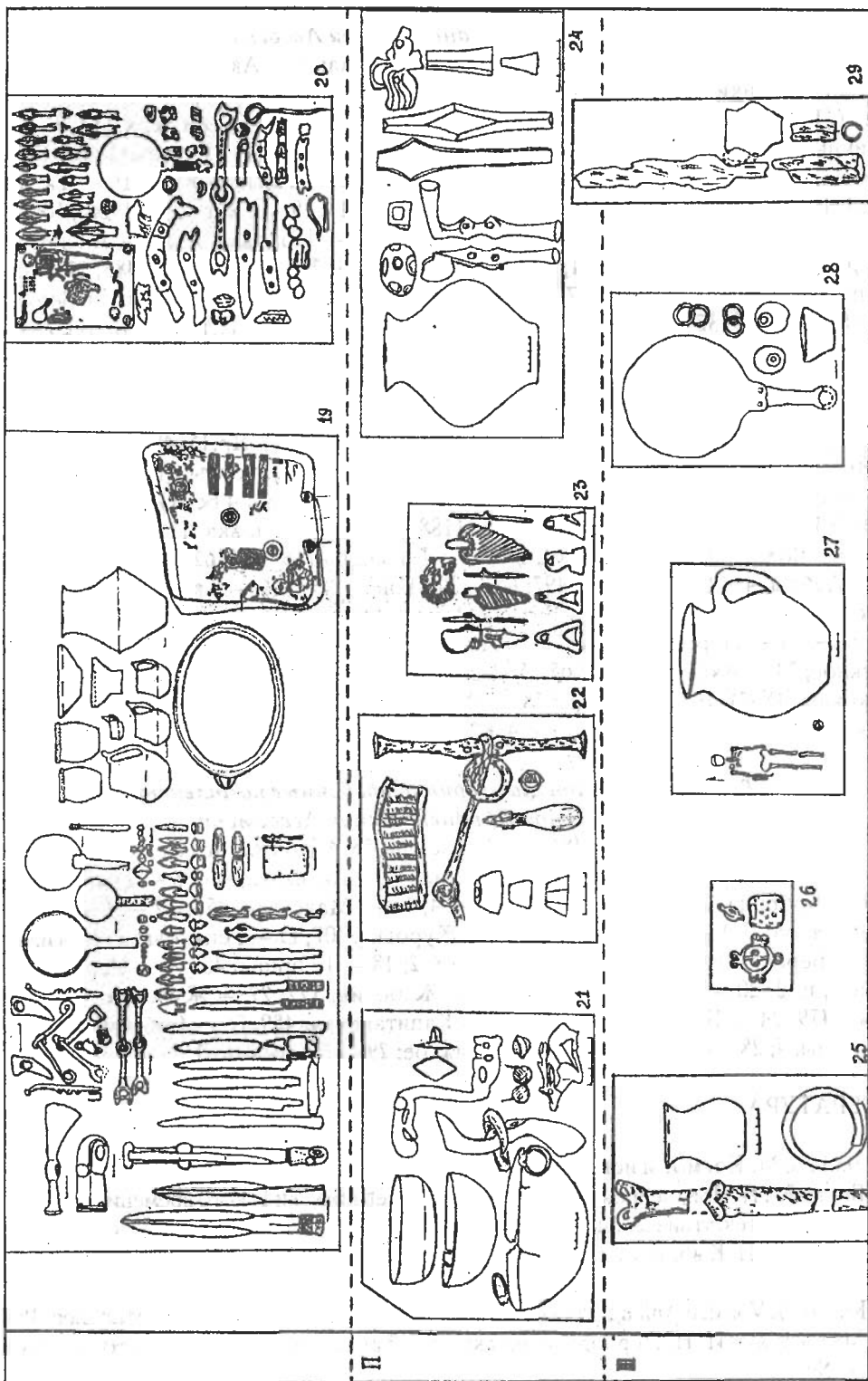

Пе-ри-од	Комплексы										
I/1	I/2	I/3									
											
											

**Табл. 1. Меридионально ориентированные комплексы
Левобережной Приднепровской Лесостепи**

1 — Аксютинцы (Стайкин Верх), Старшая Могила; 2 — Аксютинцы, 469; 3 — Аксютинцы (Стайкин Верх), 4; 4 — Аксютинцы, 467; 5 — Волковцы (1886), 2; 6 — Аксютинцы (1866), 2; 7 — Волковцы (1886), 9; 8 — Аксютинцы (Стайкин Верх), 14, 9 — Аксютинцы (Стайкин Вврх), 12; 10 — Аксютинцы (Солодка), 2; 11 — Осняги (1906), 1; 12 — Перещепино, 5; 13 — Глинск; 14 — Лихачевка, 8; 15 — Таранов Яр, 6; 16 — Таранов Яр, 25; 17 — Таранов Яр, 2/2; 18 — Саранчево Поле, 11; 19 — Скоробор (1906), 10; 20 — Волковцы (1886), 12; 21 — Волковцы (1886), 11; 22 — Поповка, 8; 23 — Аксютинцы (Стайкин Верх), 5; 24 — Лука, 1; 25 — Герасимовка, 1; 26 — Плавнищи, 485; 27 — Волковцы (1886), 7; 28 — Поповка, 7; 29 — Поповка, 9; 30 — Аксютинцы (Стайкин Верх), 15; 31 — Поповка, 3; 32 — Аксютинцы (1886), 3; 33 — Аксютинцы (Стайкин Верх), 7; 34 — Басовка, 481; 35 — Басовка, 482; 36 — Поповка, 4; 37 — Аксютинцы (Стайкин Верх), 6; 38 — Поповка, 15; 39 — Таранов Яр, 37; 40 — Таранов Яр, 3; 41 — Таранов Яр, 33/4; 42 — Осняги (1906), 2; 43 — Таранов Яр, 11; 44 — Лихачевка, 1; 45 — Таранов Яр, 16; 46 — Скоробор (1965), 1; 47 — Скоробор (1972), 10; 48 — Таранов Яр, 15; 49 — Таранов Яр, 19; 50 — Волковцы, х. Шумейко; 51 — Басовка, А; 52 — Волковцы (Линниченко), 4/4; 53 — Волковцы (Линниченко), 4/1; 54 — Аксютинцы (Стайкин Верх), 16; 55 — Басовка, 483; 56 — Басовка, 6; 57 — Волковцы (1886), 1; 58 — Поповка, 14; 59 — Броварки, 502; 60 — Водковцы (Линниченко), 4/3; 61 — Волковцы (1897), 2; 62 — Кулешовка, 425; 63 — Дубны, 4; 64 — Басовка, 497; 65 — Волковцы, 494; 66 — Аксютинцы (Стайкин Верх), 2; 67 — Опишлянка; 68 — Витова Могила; 69 — Скоробор (1965), 1; 70 — Васильевка, 4; 71 — Перещепино, 1; 72 — Лозовая; 73 — Аксютинцы (Стайкин Верх), 3/впускное; 74 — Аксютинцы (1905), 5/северное; 75 — Аксютинцы (1883-1885), 2; 76 — Волковцы (1897), 1; 77 — Хитцы; 78 — Перещепино, 3/2; 79 — Перещепино, 2; 80 — Осняги (1906), 4; 81 — Перещепино, 4; 82 — Скоробор (1965), 9.

**Табл. 2. Меридионально ориентированные комплексы
Правобережной Приднепровской Лесостепи**

1 — Медвин, 14; 2 — Турин, 486; 3 — Студенцы, 58; 4 — Теклино (Орловец), 346; 5 — Константиновка, 2/впускное; 6 — Турин, 509; 7 — Макеевка, 460; 8 — Гуляй-Город, 40; 9 — Бобрица, 37/1; 10 — Макеевка, 454; 11 — Макеевка, 453; 12 — Рыжановка (Самоквасов), 5; 13 — Журовка, 448; 14 — Журовка, 407; 15 — Репяховатая Могила, п. 1; 16 — Берестняги, 82; 17 — Куриловка, 68/2; 18 — Бобрица, 40; 19 — Репяховатая Могила, п. 2; 20 — Гуляй-Город, 38; 21 — Жаботин, 522; 22 — Журовка, 413; 23 — Турия, 459; 24 — Б. Яблонька, 188; 25 — Капитановка, 489; 26 — Бобрица, 96; 27 — Грищенцы, 4; 28 — Холодный Яр, 26/западное; 29 — Грищенцы, 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Элиаде М. Космос и история.— М., 1987.
2. Бойко Ю. Н. Приднепровская Лесостепь и кочевники скифского времени // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи.— Полтава, 1996.
3. Бойко Ю. Н. К вопросу о миграциях в Приднепровской Лесостепи VII — III вв. до н.э. // Проблемы истории и археологии Украины.— Харьков, 1997.
4. Kossak G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika.— München, 1987.
5. Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА.— 1992.— № 3.

6. Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья).— К., 1968.
7. Zakharov A. A. Zaretsky's Excavations in the Government of Kharkov // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*.— V— ol. VII.— Helsinki, 1932.
8. Моруженко А. А. Исследования памятников у с. Дихачевка // АО 1983 года.— М., 1985.
9. Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды XIV АС.— М., 1911.— Т. III.
10. Ковпаненко Г. Т. Курганы поблизу с. Мачухи на Полтавщині // *Археологія*.— 1970.— XXIV.
11. Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.).— К., 1975.
12. Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось.— К., 1981.
13. Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион).— К., 1989.
14. Шрамко Б. А., Щегленко А. В. Отчет об охранных раскопках в окрестностях с. Бельск Полтавской области в 1960 г.— Харьков, 1981.— Архив ИА НАНУ.— Фонд эксп.— Д, № 1980/86.
15. Андриенко В. П. Раскопки поселения и курганов у с. Пожарная Балка // АО 1980 года.— М., 1981.
16. Андриенко В. П. Раскопки у с. Пожарная Балка // АО 1979 года.— М., 1980.
17. Ковпаненко Г. Т. Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье // Скифы и сарматы.— К., 1977.
18. Полін С. В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // *Археологія*.— 1987.— Вип. 59.
19. Алексеев А. Ю. Хронология и хронография Причерноморокой Скифии V в. до н. э. // АСГЭ.— 1991.— Вып. 31.
20. Шрамко Б. А. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // *Древности*.— X., 1994.
21. Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ.— К., 1980.
22. ОАК за 1895 год.— СПб., 1897.
23. Моруженко А. А. Отчет лесостепной скифской экспедиции Донецкого гос. ун-та в 1975 г.— Донецк, 1976.— Архив ИА НАНУ.— Фонд эксп.— Д, № 1975/39.
24. Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— М., 1967 (САИ, вып. Д1-4).
25. Кулатова И. Н., Луговая Д. Н., Супруненко А. Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла.— М.; Полтава, 1993.
26. Ильинская В. А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА.— 1957.— XXVII.
27. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).— К., 1987.
28. Петренко В. Г. Могильник скифского времени у с. Грищенцы // Лесостепные культуры скифского времени.— М., 1962 (МИА, № 113).
29. Покровська Ф. Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли // *Археологія*.— 1958.— X.
30. Берестнев С. И. Отчет об археологических исследованиях экспедиции Харьковской областной станции юных туристов в 1980 году.— Харьков, 1981.— Архив ИА НАНУ.— Фонд эксп.— Д, № 1980/88.
31. Заец И. И. Курганный могильник раннескифского времени у с. Тюльки Винницкой области // СА.— 1979.— № 1.
32. Бессонова С. С. Лесостепное Побужье в IV в. до н. э. (по данным курганных могильников) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э.— V ст. н. э.).— К., 1991.

33. Атхарваведа. Избранное / Пер. и коммент. Т. Я. Елизарейковой.— М., 1976.
34. Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды / Пер. и коммент. А. А. Вигасина.— М., 1982.
35. Рагозина З. А. История Мидии, второго Вавилонского царства и возникновения Персидской державы.— СПб., 1903.
36. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история.— М., 1983.
37. Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране.— М., 1982.
38. Лелеков А. А. Проблемы индоиранистики на современном этапе // НАА.— 1988.— № 6.
39. Дандамаев М. А., Глукоин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана.— М., 1980.
40. Погребова Н. М. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время.— М., 1984.
41. Техов В. Б. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. (по материалам Глийского могильника).— М., 1980.
42. Петренко В. Г. Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.— М., 1969.
43. Іллінська В. А. Скіфська вузда VI ст. до н. е. (за матеріалами Посулля) // Археологія.— 1961.— XIII.
44. Тереножкин А. И. Киммерийцы.— К., 1976.
45. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н. э.).— М., 1991.
46. Моруженко А. А. Животноводство и охота лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в VII-III вв. до н. э. // Проблемы археологии Поднепровья.— Днепропетровск, 1985.— Вып. 2.
47. Помпоний Мела. Землеописание / Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1948.— № 3.
48. Марк Сервий Гонорат. Объяснения к Вергилию / Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1949.— № 1.
49. Гай Юлий Солин. Сборник достопримечательностей / Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ.— 1949.— № 3.
50. Бертельс Е. Э. Избранные труды.— М., 1960.— Т. I.
51. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии.— М., 1970.
52. Членова Н. Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА.— 1984.— № 1.
53. Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / Тексты, перевод, комментарий.— М., 1982.
54. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия: историко-географический анализ.— М., 1979.

SUMMARY

The article considers the detailed analysis of Dniiper's Woodensteppe north-south orientated scythian time barrows. It yields a conclusion about Boudioi-Boudinoi origine of this kind of graves, one of iranian tribes, mentioned by Herodotus in Media and Woodensteppe Scythia.

